ЗАПИСКИ

коллегии востоковедов

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

TOM V

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1930

Записки Коллегии Востоковедов, V

Mémoires du Comité des Orientalistes

Неизданное сасанидское блюдо с пехлевийским граффито

Из Уральского музея в Свердловске недавно поступила в Гос. Эрмитаж одна серебряная сасанидская чаша, которая, несмотря на довольно грубую технику, представляет большой интерес не только как характерный, хотя не первоклассный, памятник сасанидской или послесасанидской торевтики, но также тем, что на внутренней стороне ножки выгравировано или скорее вцарапано граффито пехлевийским шрифтом. Подобные по типу граффито имеются на сосудах Государственного Эрмитажа, воспроизведенных в издании б. Археологической комиссии «Восточное серебро» на таблицах XXVIII (56) и XXXII (60). Они до сих пор не поддавались чтению. К попыткам, сделанным в разное время разными лицами, я в конце этой статьи прибавляю новую.

Новая чаша Эрмитажа носит шифр ПКИ 576-3; диаметр ее 22 см, высота с ножкою 5 см. Точных сведений о ее происхождении не удалось собрать; насколько известно, она была найдена в Глазовском у. Вятской губ. По сюжету она является репликою известного казанского блюда из собрания А. Ф. Лихачева (табл. II), впервые в 1887 г. изданного самим А. Ф. Лихачевым, потом в 1909 г. Я. И. Смирновым (Восточное серебро, табл. XXVIII по 56) и в 1924 г. И. А. Орбели в его работе «Сасанидское искусство» (Восток, вып. 4, табл. 1). Последними по времени работами по казанскому блюду с исчерпывающим исследованием изображаемого сюжета по литературным и художественным источникам являются статьи М. М. Гирса «Сасанидское блюдо Казанского музея из собрания А. Ф. Лихачева» в посвященном С. Ф. Ольденбургу издании Ленинградского

¹ Уже после набора настоящей-статьи.

института живых восточных языков им. Енукидзе «Восточные Записки», т. I, стр. 105 сл. и «Бахрам-Гур и невольница» в Известиях ГАИМК, т. V, стр. 353 сл.

Новая чаша Эрмитажа является одним из тех плоских сосудов, характерных для сасанидского прикладного искусства, которые еще втечение многих столетий после падения сасанидской империи пользовались заслуженным почетом и вызывали восторг знатоков. Они служили очевидно преимущественно для питья, как это явствует из изображения таких сосудов в руках пирующего царя на целом ряде блюд. Что такие чаши были в большой моде в блестящем Багдаде эпохи Харун ар-Рашида, об этом свидетельствуют между прочим стихи придворного поэта Абу Нуваса, привлеченные и всесторонне комментированные И. Ю. Крачковским в статье «Сасанидская чаша в стихах Абу Нуваса» [Seminarium Kondakovianum, II (1928), стр. 113—125]. В этих стихах поэта-анакреонтика, которые своей красотой, сложностью и новизной картин заслужили внимания целого ряда подражателей и комментаторов-арабов, описываются четыре таких повидимому золотых чаши, в сасанидском стиле которых не может быть ни малейшего сомнения.

Что касается техники описываемой чаши, то она приблизительно та же, что у казанского блюда: обработка серебра чеканом, позолота фона. Контуры чрезвычайно резки, детали декоровки одежды и украшений, очертания мускулов, мозолей и когтей верблюда, также и стрелы сделаны путем резьбы-гравировки, другие детали рельефно выработаны, как например глаза, серьга и нагрудный аграф всадника, ошейник с кистями у верблюда или висящие на нагрудном и подхвостном ремнях розетки, которые впрочем производят впечатление как-будто они вдавлены в тело верблюда. Они сильно напоминают аналогичные розетки на коне изображенном на эрмитажном блюде (Восточное серебро, табл. XXXII, nº 60), представляющем однако совершенно иной стиль.

Вообще по сравнению с казанским блюдом техника значительно грубее, рисунок гораздо менее жизненный, нет в нем той устремленности в движениях животных и всадника, нет того высоко художественного заполнения пространства, которые наблюдаются на блюде собрания А. Ф. Лихачева. Однако, несмотря на ряд иногда существенных расхождений, нельзя, мне кажется, не признать известного, даже довольно близкого родства между обоими блюдами; как покажут некоторые ниже приводимые

детали возможна даже прямая зависимость уральского блюда от казанского. Сюжет тот же: Бахрам Гур, на охоте на газелей, производящий по просьбе сидящей за лукой седла на верблюде рабыни свой пресловутый выстрел, превративший самца газели в самку, отрезав ему рога стрелой-полумесяцем, и самку в самца, посадив ей в голову две обыкновенные стрелы. Распределение фигур, вообще вся композиция в сущности та же, что на казанском блюде.

В дальнейшем, ввиду подробного описания казанского блюда в упомянутых статьях М. М. Гирса, я постараюсь отметить только некоторые особенности, в которых изображения наших блюд расходятся. Главные из них следующие: корона Бахрама по типу такая же трехступенчатая стенная (Mauerkrone) с тульей и шаром в полумесяце, однако на переднем зубце нет полумесяца, его также нет над носом верблюда. По исследованиям Herzfeld'a (Am Tor von Asien, Anm. 104) такой тип короны не свойственен Бахрам Гуру (420-438), а скорее Пирузу (459-484) или Кобаду (488-531). Раз это так, то может возникнуть вопрос, нельзя ли в этом обстоятельстве усматривать указание на время оформления сюжета не столько наших блюд, — они едва ли восходят к столь раннему периоду, сколько их прототипа, скульптурного ли, живописного ли, которым могли инспирироваться наши мастера. Невольно вспоминается как «Мавзолей газели» Ибн-ал-Факиха, так и виденные Малькольмом между Ширазом и Исфаганом развалины охотничьего замка, приписываемого преданием строительству Бахрам Гура, о которых упоминает М. М. Гирс (Известия ГАИМК, V, стр. 358). Наличие в них подобных декоративных изображений весьма возможно. Вид Бахрама на уральской чаше более зрелый, судя по густоте бороды и резко очерченному усу, голова еще менее пропорциональна, чем на казанском блюде; она занимает немного больше одной трети всей фигуры, профиль довольно грубый, нимб окружающий голову царя отсутствует. Вместо напряженности жеста с живым наклоном вперед всего тела здесь какая-то вялая, мало выразительная осанка. Одежда по типу та же что на казанском блюде, однако детали менее разработаны, ожерелье из трех жемчужин у ворота платья, декоровка нагрудного украшения, борта чепрака, пахвейного ремня довольно небрежно гравированы, или, как пояса, остались вовсе без декоровки. Больше внимания уделено платью рабыни и шароварам царя; задняя сторона нижней части их представляет что-то в роде франжеобразного борта. На правом бедре вместо кинжала — колчан, украшенный, как и края чепрака, пересекающимися зигзагами, образующими ромбы. Над поясом обхватывающим талию, какой-то сердцевидный нарез, который, может быть, должен означать рукоятку невидимого кинжала. Спускаемая с лука стрела здесь обыкновенная, остроконечная, а не с луновидным наконечником, который больше и не имеет смысла; на земле срезанные рога газели изображены рельефом, под ними стрела гравировкой, как и остальные стрелы.

Существенную разницу в рисунке представляет фигура рабыни: голова en face без короны, простоволосая с двумя длинными косами; тесно облегающее платье, переходящее в шаровары, ожерелье с тремя жемчужинами (гравировка); видна только одна правая нога, левая рука держит какой-то конусообразный расщепленный предмет, правая поднята с протянутым указательным пальцем; следов лютни не видно. Здесь художник вероятно сознательно отступил от своего предполагаемого образца, вспомнив что женщине, тем более рабыне, не полагается носить царскую корону. Вообще говоря у него наблюдаются известный уклон к реалистичности, попытки по линии натурализма. Увенчались они безусловным успехом в трактовке задних ног верблюда и хвоста, совершенно неестественного на казанском блюде. О передних ногах этого отнюдь сказать нельзя, наоборот здесь вследствие изменения живого бегового аллюра верблюда и при явном старании по возможности сохранить позу образца, получается просто нелепость, какой-то неуклюжий вывих левой передней ноги, которая пересекает левую заднюю ногу, причем она оказывается на одной линии с правой задней ногою. Стремлением к натурализму объясняется очевидно также поправка, внесенная в трактовку головы верблюда. Если она на казанском блюде по выражению М. М. Гирса «птицевидная», то здесь она превратилась во что-то в роде свиного рыла на лебединой шее. Ступня верблюда, довольно правильная на казанском блюде, здесь представляет какое-то странное копыто с четырьмя, разделенными по два, когтями (видны три). Неудачны также изменения в моделировке трех бегущих однообразным «flying gallop» газелей и размещение их в данном пространстве. На казанском блюде эти полные жизни и движения фигуры образуют весьма существенное, художественно необходимое дополнение к композиции в целом, органически с ней связанное, на нашем же такой органической связи не чувствуется, скорее наоборот: получается впечатление некоторой оторванности от центральной группы верблюда со всадниками. Несмотря на ука-

занные различия, как в трактовке сюжета, так и в технических приемах моделировки и декоровки деталей, нельзя мне кажется отрицать, что казанское блюдо с уральским соединяет гораздо более близкое родство, чем одна только общность известного и излюбленного сюжета в трактовке его двумя различными, независимыми друг от друга и не равноценного таланта мастерами, хотя бы приблизительно той же школы и той же эпохи. Выше . я называл нашу чашу репликой казанского блюда, но конечно не имел в виду работу одного и того же художника на одну и ту же лишь несколько видоизмененную тему, как этот термин скорее принято понимать, а что-то среднее между подражанием и копиею. О настоящей копии хотя бы грубой и не точной, как ясно по первому взгляду, конечно не может быть речи, это скорее вольное подражание, причем мастер уральской чаши, надо полагать, имел перед глазами рисунок казанского блюда, иначе не могло бы получиться такого совпадения в некоторых деталях, не могло бы случиться также то досадное недоразумение с пересеканием левой передней ногою левой задней ноги верблюда. Стараясь, иногда как мы видели с успехом, исправить погрешности своего образца, наш мастер по недостатку, полагаю, понимания и таланта впал в другие ошибки, и логически и художественно гораздо более крупные.

В вышеупомянутой статье И. Ю. Крачковский справедливо замечает (стр. 123), что остается открытым вопрос, был ли в руках Абу Нуваса сасанидский оригинал или современное (конца VIII—начала IX вв.) подражание, что весьма возможно, потому что в эту эпоху производствочаш с изображениями практиковалось, и имеются сведения, что заказы на них исполнялись, и не всегда удачно, например в Басре. На стр. 120-И. Ю. Крачковский пишет: «... сасанидского памятника абсолютно сходного с описанным (в стихе Абу Нуваса) до сих пор неизвестно, но не следует забывать, что почти все известные сасанидские блюда и чаши представляют собой уники и весьма вероятно, что нечто аналогичное еще может быть открыто». С этим я вполне согласился бы, еслиб тут не былословечка почти, ибо, сколько мне известно, все без исключения сасанидские блюда уникальны, а к ряду этих уник я хотел бы присоединить также и рассматриваемую нами уральскую чашу, несмотря на ее явную зависимость от казанского блюда и, может быть, более позднее происхождение, хотя для последнего собственно достаточных данных нет. Ибо не встречается на ней никаких признаков так называемого упадочного или.

вырожденческого характера, выражающегося в не мотивированном загромождении пространства чисто декоративными, не имеющими прямого отношения к композиции деталями. Понятие «упадочность», «вырожденчество» в искусстве в сущности конечно ничто иное как изменение вкуса, поворот общественного заказа, в большинстве случаев загадочный, но несомненно всегда вызванный изменением социальных условий. Наоборот рисунок уральского блюда трезвый, сухой и не будь вышеприведенных деталей, связывающих его с казанским, можно было бы считать, что мы имеем дело с самостоятельной трактовкою одинакового сюжета, только менее талантливым мастером. О подделке-фальсификации, по моему мнению, не может быть речи. За это впрочем ручается и пехлевийская надпись на дне ножки. Она не многое доказывает, но всетаки может служить в некоторой степени как terminus ante quem. К сожалению это не настоящая надпись, а только граффито, врезанное в металл небрежным и не слишком грамотным курсивом, что конечно сильно затрудняет чтение. По типу начертания букв и по содержанию, если я верно читаю, надпись похожа на надписи казанского и мальцевского блюд, техника однако совершенно иная. На обоих последних надписи сделаны пунктиром, черты букв образуются из мелких, близко стоящих точек, на уральском же начертания острым довольно глубоко врезаны в металл. Во всех трех надписях встречается по три похожих по начертанию слова, причем казанское блюдо представляет самую тщательную отделку их и таким образом, кажется мне, дает ключ к чтению двух остальных. Все три надписи дают имя владельца и стоимость предмета, причем оказывается, что казанское и мальцевское, которые по типу рисунка и по технике сильно отличаются друг от друга и, судя по стилю, относятся, может быть, к различным эпохам, принадлежали носителю одного и того же имени, может быть одному и тому же лицу, или происходили из одной и той же коллекции. Едва ли можно допустить, что эти граффито были сделаны ad hoc, так сказать для руководства купцам, вывозившим эти ценные изделия в качестве валюты. Они скорее всего представляют инвентарную пометку прежнего владельца, или же результат описи финансовых или судебных властей. Надписи я читаю следующим образом:

1) Казанское блюдо (фиг. 1): sng dēnār 3 drҳm (זרזר) 2 pērōžān;
2) Мальцевское (фиг. 2): pērōžān ҳwēš (מַטָּבוֹ) dēnār 3 sng.; 3) Уральское (фиг. 3): mtrbōžēt ҳwēš (נפטה) dēnār 1 (?) w drҳm (זרזר) 3 sng.

В переводе: 1) Стоимость 3 динара 2 драхмы, Ретоžап. 2) Собственность Ретоžап'а, 4 динара стоимость. 3) Собственность Mitrbožet'а 1 (?) динар и 3 драхмы стоимость.

Как видно на фиг. 1, начертания на казанском блюде довольно правильны и первое слово, допускающее конечно целый ряд других чтений,

в данном контексте скорее всего должно читаться sng (sang), что в глоссариях передается через «вес, стоимость, цена, камень драгоценный или простой», перс. На уральском и мальцевском блюдах это слово является последним, и без помощи казанского трудно в двух первых черточках усматривать букву s. Второе слово казанского блюда с некоторой натяжкою, но с почти полной уверенностью,

Фиг. 2.

читаю $d\bar{e}n\bar{a}r$ ввиду следующей известной идеограммы, означающей драхму (זבין или יובין) по Nyberg. The Pahlavi Documents of Avroman. Le Monde

Фиг. 3.

Oriental, XVII, р. 201. Остальное не вызывает сомнений. На мальцевском блюде (фиг. 2), где первые три знака слова $d\bar{e}n\bar{a}r$ начертаны вязью, похожею на эпиграфическое χ , h (pārsīk) буква r или пропущена или присоединена к последующей цыфре, так что можно колебаться между чтением $d\bar{e}n\bar{a}r$ 3 и $d\bar{e}n\bar{a}$. Еще более похожи на эпиграфическое (pārsīk) χ , h, три первые буквы второй строки на уральском блюде, так что все слово вместе с последующей цыфрой 1 довольно свободно можно читать

 χsrw , с маленьким орфографическим упрощением, а именно отсутствием w после первой буквы, упрощение, которое в новоперсидском сделалось правилом. Необычайна округлость буквы r в слове, читаемом мною $d\bar{e}n\bar{a}r$,

одинаковая на казанском и на уральском блюдах. Сомнение вызывает чтение двух начертаний, следующих за буквою r. Условно читаю их как цыфру $1 \rightarrow coos w$, который однако здесь является совершенно излишним.

Поражает на первый взгляд низкая оценка стоимости наших блюд; ибо 3 золотых динара того времени равняются в крайнем случае приблизительно 15 золотым рублям, но принимая в расчет дешевизну жизни и несравненно ббльшую покупательную силу денег вообще, а редкого в сасанидский и послесасанидский период золота в частности, она становится более понятной. Если казанское блюдо оценивается в 3 динара 2 драхмы, мальцевское в 3 resp. 4 динара, оценка уральской чаши в 1 динар 3 драхмы кажется непомерно низкой. С художественной точки зрения, которая впрочем при оценке едва ли принималась в соображение, она конечно стоит несравненно ниже других, но все же вес ее 1156 гр, что едва ли может равняться 1 динару 3 драхмам при соотношении золота к серебру как 14:1, если не допустить, что она состоит из какого-то неполноценного сплава, что я не имел возможности проверить.

Что касается имен, встречающихся в этих надписях, то первое $P\bar{e}$ - $r\bar{o}c\bar{a}n:P\bar{e}r\bar{o}j\bar{a}n:P\bar{e}r\bar{o}z\bar{a}n$, в новом языке $F\bar{\imath}r\bar{\imath}z\bar{a}n$, неоднократно встречается в истории Персии. Так между прочим назывался ряд военачальников, губернаторов и т. д. парфянского, сасанидского и послесасанидского времени, между прочим главнокомандующий войсками в сражении при Нехавенде в 642 г. У Justi (Iran. Namenbuch, S. 250) перечисляется целых 10 известных из литературы носителей этого имени. Второе имя $Mitrb\bar{o}z\bar{e}t$, что значит «Митра спасает» очень почтенное имя, оно встречается между прочим на одной гемме Берлинского музея; греческая форма его у Арриана и Диодора $Mu\partial \varrho o \beta ov\sigma av\eta_S$ (Mitt. aus d. orient. Sammlungen. Horn-Steindorf. Sassanidische Siegelsteine (Berlin 1891), р. 31, n° 18, Taf. I, n° 1041).

Я. И. Смирнов, вероятно, прав, относя казанское и мальцевское блюда в промежуток между второй половиной VII и началом XI в. К этому же периоду, скорее к концу его, придется очевидно приурочить также рассмотренное здесь новое блюдо Эрмитажа. Однако нет, мне кажется, объективных данных, препятствующих отнести производство этих изделий к более раннему времени.

Ф. Розенберг.

Ф. А. Розенберг. Неизданное сасанидское блюдо с пехлевийским граффито

Новое сасанидское блюдо Гос. Эрмитажа (Уральское)

Блюдо собрания А. Ф. Лихачева (Восточное серебро, табл. XXVIII, № 56)